

Алиса любила это время, когда поздний вечер переходил в глубокую ночь. Тогда в их маленьком городке под названием Костров устанавливалась окончательная и глубокая тишина, такая густая, темная и вязкая, что гасила последние, редкие всплески звуков — голоса запозднившихся прохожих, собачий лай, внезапные телефонные трели... Едва возникнув, эти обрывки шумов тут же исчезали, словно тонули в океане ночи.

В отдельно стоящей пристройке, где жила немолодая супружеская чета — садовник (он же охранник) Петрович с домработницей Ниной, — гас свет в окнах и замолкал, наконец, телевизор.

Огромный участок, на котором располагался дом Эрлендов вместе с садом, тоже погружался в сумрак, светильники здесь размещались только по периметру и на центральной площадке перед воротами.

И в самом доме наступала тишина, поскольку муж, Роман, ложился спать строго по расписанию. Выключал любимую музыку, ставил на беззвучный режим телефон.

Наступало время Алисы. Когда ей казалось, что она одна на целом свете и потому вольна делать что угодно. Время полной, абсолютной свободы! Время счастья.

Впрочем, Алиса и в другие часы чувствовала себя весьма неплохо... Жена известного, небедного, очень

умного человека; не утомленная работой и домашними хлопотами, здоровая, еще молодая и красивая... Да, Роман был старше ее на 21 год, Алисе сейчас — тридцать четыре, а мужу, соответственно, почти пятьдесят пять, без нескольких дней... Но Роман никогда не выглядел *старым* (да и кто в наше время осмелится назвать так пятидесятипятилетнего человека, которому даже еще до официальной пенсии далеко). Роману шел его возраст, и небольшая седина — тоже. Наверное, и в семьдесят, и в восемьдесят лет муж будет выглядеть столь же молодо-жаво-привлекательно. Таков типаж.

Правда, когда кто-то впервые, не видя еще Романа, вдруг узнавал, что муж на двадцать один год старше жены, то новый человек непременно удивлялся либо ужасался, иногда сдержанно, иногда явно, если не обладал хорошими манерами. И, либо взглядом, либо вслух, спрашивал: «Как? Неужели столь значительная разница в возрасте у супругов?» Но при личной встрече с Романом все подобные вопросы снимались сразу. Роман был очень... привлекателен, обаятелен. Красив «осенней» — благородной, сдержанной, мужской красотой, которой (редкий случай!) — годы только на пользу. Мужчин этого возраста с подобной внешностью, небрежной и уютной, что ли, часто снимают в рекламе, продвигающей дорогие яхты и дорогой парфюм.

Впрочем, седовласым плейбоем Романа тоже было трудно назвать, он не стремился поразить окружающих вальяжными манерами и надменными капризами. «Осенняя» красота Романа — интеллигентная, мягкая. Именно такими и представляют известных, уже пожив-

ших, получивших сполна славы, писателей — ироничными, вежливыми и привлекательными. Впрочем, Роман Эрленд — не совсем писатель. Он — мудрец, мистик, эзотерик, нашедший секрет человеческого счастья и спешащий поделиться им в своих книгах с людьми.

Все семнадцать лет своего брака Алиса ощущала спокойствие и умиротворение, находясь рядом с Романом. Да, случались какие-то мелкие шероховатости, странности в их отношениях... Но это такие мелочи, если подумать. Роман, например, был очень привередлив в еде, да и быт его угнетал порой. И спали они с Алисой в отдельных комнатах. Всегда.

Людям, привыкшим к одному матрасу, к одному одеялу на двоих, к постоянному созерцанию утренней помятости и вечерней усталости супруга это, конечно, казалось странным.

Зато проживание в разных комнатах способствовало личному комфорту супругов. Никакого застарелого раздражения друг другом!

Так вот. Алиса чувствовала себя вполне довольной жизнью женщиной, не связанной семейной деспотией.

А счастье этих свободных, «безмужних» вечеров заключалось для нее в ощущении уединенности. И в возможности творить что-то самой.

Алиса рисовала. Синей тушью на плотной бумаге... Рисовала девушку, которую она мысленно называла Эмилией.

Эмилия жила в странном мире, готическом, что ли. Когда окружающий пейзаж, интерьеры выглядят и страшно, и красиво. Старинный замок, устремленный

заостренными башнями ввысь, вокруг замка таинственный лес, и какие-то тени мелькают при лунном свете, слышатся чьи-то торопливые шаги, и кажется, что где-то рядом летают призраки.

Вообще, сколько она себя помнила, Алиса всегда что-то рисовала. В детском саду. В школе на уроках... На салфетках за обедом. Сидя где-то в очередях, в блокноте. Какие-то бесконечные комиксы...

Алиса словно сочиняла историю этой девушки, Эмили. Вот и сейчас Алиса, закусив от усердия нижнюю губу, принялась выводить синей тушью на бумаге силуэт своей героини. Длинное платье, тонкая талия, длинные локоны, огромные глаза...

— Алиса, я стучал, ты не слышала?

— А?! — спохватилась она, отложила в сторону специальную кисточку.

На пороге стоял Роман. Оказывается, она пропустила тот момент, когда он постучал в ее комнату, так увлеклась.

— Детка, мне надо с тобой серьезно поговорить, — сказал муж.

— Конечно, конечно! — воскликнула Алиса. Придвинула ему кресло. — Давай поговорим.

Они сели в кресла друг напротив друга.

— Я давно собирался это сделать... раскрыть тебе душу. Но как-то все смелости не хватало. Только дальше тянуть уже нельзя. Короче, детка. Я умираю.

В первый момент Алисе показалось, что она ослышалась. Роман не произносил этих слов! Хотя... да, он все-таки произнес их, не померещилось. Впрочем, в следу-

ющий момент она подумала, что, наверное, муж шутит? И тут же опять осадила себя — кто ж такими вещами шутит? Да и не был никогда Роман шутником, поклонником черного юмора.

— Почему ты молчишь, детка? — с усталой лаской спросил он.

Алиса всплеснула руками, прижала ладони к вискам. Затем затрясла головой — нет, нет, не может быть.

— Похоже, со мной то же самое, что было у моей матери, и у деда... — Он не произнес названия болезни, да и незачем это было, Алиса и так все поняла. — Пришло ко мне слишком рано, но что ж теперь.

— Дорогой, ты... уверен? Ты... ты консультировался с доктором? — наконец, дрогнувшим голосом спросила Алиса.

— Нет. Зачем. Я знаю эти симптомы наизусть, их ни с чем не перепутаешь, — со спокойной печалью произнес Роман. — Я все это очень хорошо представляю, с чего начинается, как продолжается и чем кончается.

— Сейчас медицина на другом уровне, сейчас новые лекарства! Тебя спасут!

— Алиса. Нет. Мои симптомы говорят о том, что я опоздал со всеми этими обследованиями и докторами. На несколько лет. А я не торопился, потому что был уверен, что у меня в запасе еще лет двадцать... Теперь уже нет смысла дергаться. Да, сейчас все на более высоком уровне, но толку-то. Последняя стадия есть последняя стадия.

— Дорогой... — умоляюще воскликнула Алиса. — Но почему ты думаешь, что у тебя тот же самый диаг-

ноз, что и у твоих родных? Вдруг это что-то другое... Не такое страшное. И, даже если это и оно... может, это еще не последняя стадия!

— Алиса, увы. Ты же в курсе, у меня всегда были проблемы с пищеварением. Еда с усилиями входит в меня и с усилиями же покидает мой организм. Сейчас я наблюдаю у себя все то же, что наблюдал у матери и деда. А эта гадость лечится точно так же, как и раньше, просто комфорту добавилось больным. Но это, по мне, не жизнь, а существование. Я уже много лет назад решил, что не стану бороться с этой противной напастью. Так легче, быстрее. И безболезненней, как ни странно. Мне не придется приходить в себя после всех этих мучительных и, по сути, бесполезных операций.

— Ромочка!

— Веди себя достойно, детка. Я же держусь, как ты видишь. Короче, прими это как данность — скоро я умру.

— Нет...

— Да, — спокойно произнес он. — Но это только вступительная часть... Дальше вот что. Слушай. В выходные мой день рождения, юбилей опять же. Я никогда не являлся любителем застолий, всегда старался избегать их. Но я хочу попрощаться со всеми. С миром я хочу проститься, в широком смысле. Приглашу самый близкий круг, тех, кто всегда находился рядом. Друзей. Соседей. Просто старых знакомых. В очень небольшом количестве. В общем, минимум приглашенных, из тех, с кем я спокойно общаюсь лично.

— Ты расскажешь им? О том, что с тобой происходит...

— Нет, — с неожиданной твердостью произнес Роман. — Я ничего никому не собираюсь сообщать. О моей тайне знаешь только ты. Очень прошу тебя молчать. Ни слова никому о моем близком уходе! — Он свел брови.

Алисе в этот момент очень хотелось спорить, протестовать, настаивать, биться — за каждый день жизни мужа... Но она заставила себя сдержать свои порывы. Это его воля и его решение. Надо уважать чувства и желания мужа.

— Хорошо, — с трудом произнесла она. — Я буду молчать.

— Вот и славно. Всегда был уверен в том, что ты — моя истинная подруга, моя любовь, моя Прекрасная Дама, — едва-едва заметно, уголками губ, улыбнулся он.

— Но, пока есть надежда, я бы хотела...

— Понимаю, о чем ты, — тут же перебил он. — Но — нет. Там такое лечение, что при самом лучшем исходе оно повлияет на мою психику, на мой душевный настрой. Превратит меня в другого человека. Слабого, ноющего, агрессивного даже. Ты даже не представляешь, насколько портят характер все эти тяжелые процедуры и сильные лекарства. Мой дед, сильный, спокойный человек, превратился в злое, капризное чудовище... Нет, детка, нет. Я уйду из этой жизни самим собой. — Роман помолчал, потом добавил задумчиво: — Ну, и потом, мои ученики, мои поклонники, мои последователи... Все те, кто читают мои книги и строят свои жизни по моим рекомендациям, они не должны меня видеть таким. Не должны знать о том, что со мной происходит.

— Но они же все равно узнают об этом! — с тоской и смятением напомнила Алиса.

— Пусть знают о смерти, а не о долгом, мучительном угасании, — усмехнулся Роман. — Чувствуешь разницу? Без лечения я уйду быстро, легко и незаметно. Никто не должен знать о моем диагнозе. А ты потом, после моего ухода, расскажешь всем... что луч света упал на меня с неба и унес мою душу на Марс. Да, да, волшебный луч забрал меня на Марс! Красивая легенда... Люди и дальше продолжат спокойно читать мои книги, следовать моему учению и думать, что моя жизнь была пусть и не особо длинной, но зато легкой и светлой. В сущности, подобное — не редкость в истории человечества... Большой огонь — он всегда горит недолго, но ярко. Да, отказываясь от лечения, я жертвую собой. Но жертвую не просто так, а ради счастья людей. Не хочу никого напрягать и утомлять.

Алиса кивнула.

«А он и вправду похудел... Домашний костюм висит на нем как на вешалке!» — вдруг заметила она.

Роман всегда отличался особой стройностью, даже худобой. И именно это, кстати, очень молодило его, делало похожим на юношу, которому еще далеко до того момента, когда обычно мужчины начинают матереть.

Довольно длинные, до плеч, и очень густые, наполовину седые волосы; широкое лицо с впалыми щеками, немного морщин и немного серебристой щетины... Даже сейчас Роман выглядел красивым. Вернее, его красота показалась Алисе какой-то уж совсем неземной, что ли.

Она всегда восхищалась своим мужем, считала, что он не от мира сего. Ангел?

Но что сказать ему сейчас? Как поддержать этого необыкновенного человека, все время думающего о других людях?

У Алисы почему-то не нашлось нужных слов. Лишь какие-то суетливые, пошлые, штампованные фразы вертелись у нее в голове... Роман же смотрел на жену внимательно, все с той же усталой иронией. Это был взгляд человека мудрого, не питающего лишних надежд, взгляд печальный и сдержанный. Наконец, Алиса подобрала нужные слова. Нет, они тоже не являлись образцом душевности, но зато в них заключалась правда, идущая от ее сердца.

— Я останусь с тобой до последнего, — сказала Алиса. — Я буду всегда с тобой. Я поддержу тебя, насколько сумею. Я выполню все твои просьбы и пожелания.

Роман вздохнул, улыбнулся, отчего на его висках возле глаз пролегли лучики морщин. Пожалуй, лишь тогда, когда он улыбался, и становился заметным его возраст.

— Спасибо, — с нежностью произнес он. Встал. — Ну все, а теперь спать, спать... Надо отдохнуть, силы нам еще понадобятся. Спокойной ночи, детка.

Алиса бросилась к нему, обняла, поцеловала в щеку, в нос, в губы... Роман не любил, когда его целуют в губы. Он вообще сторонился всех этих нежностей, связанных с поцелуями, тесными объятиями... Он не терпел прикосновений чужих людей, терпел только Алису, да и то именно что терпел.

Сейчас Роман тоже мужественно вынес этот натиск от жены.

Муж ушел, и Алиса осталась у себя в комнате одна. Лечь спать по совету Романа? Алиса всегда слушалась

мужа, считая его своим наставником, но сегодня следовать его советам она была не в состоянии.

Ну как тут спать, когда внутри все дрожит и сердце громко стучит в груди?

Ко всему прочему, Алису еще и совесть мучила.

Дело в том, что супружеская близость исчезла между мужем и женой уже года как полтора. Или год? Алиса не подсчитывала специально, просто помнила, что последний раз случился, когда шел снег и все вокруг ждали Нового года. Но точно не этой зимой. Значит, прошлой? Вот тогда Роман пришел в спальню к Алисе. Улыбнулся своей печальной, немного ироничной улыбкой, скинул домашний халат, больше напоминающий царскую мантию, и нырнул к жене под одеяло.

Холодные ноги мужа, его холодные ладони, его холодный поцелуй — в щеку. Роман действовал почти без прелюдии, быстро и просто. Затем, по окончании процесса, его теперь уже прощальный, благодарный поцелуй холодных губ — в щеку, халат — обратно на плечи, и вот уже перед Алисой — закрывшаяся за спиной мужа дверь.

Все как обычно, все как всегда, все семнадцать лет, ничего нового и особенного, и это хорошо, потому что Алисе и не требовалось большего. Ничего сверх того, что ей всегда давали. Раз в месяц, иногда раз в два месяца, очень редко — два раза в месяц.

Помнится, после свадьбы, во время свадебного путешествия — было очень много любви. Где-то два раза в неделю.

Алиса считала эту сторону их супружеской жизни

с Романом вполне обычной и нормальной. Тем более что ей и сравнивать было не с чем.

Но год, или даже полтора без отношений — это слишком заметное событие, нельзя не обратить внимание. Весь этот «безбрачный» период Алиса тосковала и недоумевала. Что случилось? Почему? Разлюбил? Или это проявления возраста? Как-никак, Роману уже за пятьдесят... Именно поэтому Алиса и не приставала к мужу с расспросами. Вдруг они обидят его, заденут тонкие струны мужской психики!

Алиса молчала, не спрашивала, переживала. Ей вовсе не секса требовалось (к этой стороне человеческой жизни она ощущала безразличие), а понимания ситуации.

Хотелось знать, что случилось, но и спрашивать тоже неловко.

А вот сегодня, сейчас, все стало на свои места. Выяснилась, наконец, причина холодности Романа. Он болен, ему не до супружеских обязанностей...

Именно поэтому Алису сейчас мучила совесть. Она-то, дурочка, ревновала его, думала всякую ерунду, а у мужа — такая проблема!

Алиса заплакала, потом смахнула со щек слезы. Вышла из комнаты в коридор. Затем из коридора Алиса свернула в гостиную, после нее в другой коридор...

Она бродила по дому, сжимая руки, и не находила себе места от тоски. Как же так, как ей жить потом без Романа? Одной, в этом огромном пустом здании, построенном в готическом стиле? Кстати, может быть, именно поэтому Алиса и рисовала в этом стиле — ведь он был близок ей, все время перед глазами. И нарисованная